

F-461 g. b.
154303

V.N. Karazin Kharkiv National University

00461432

2

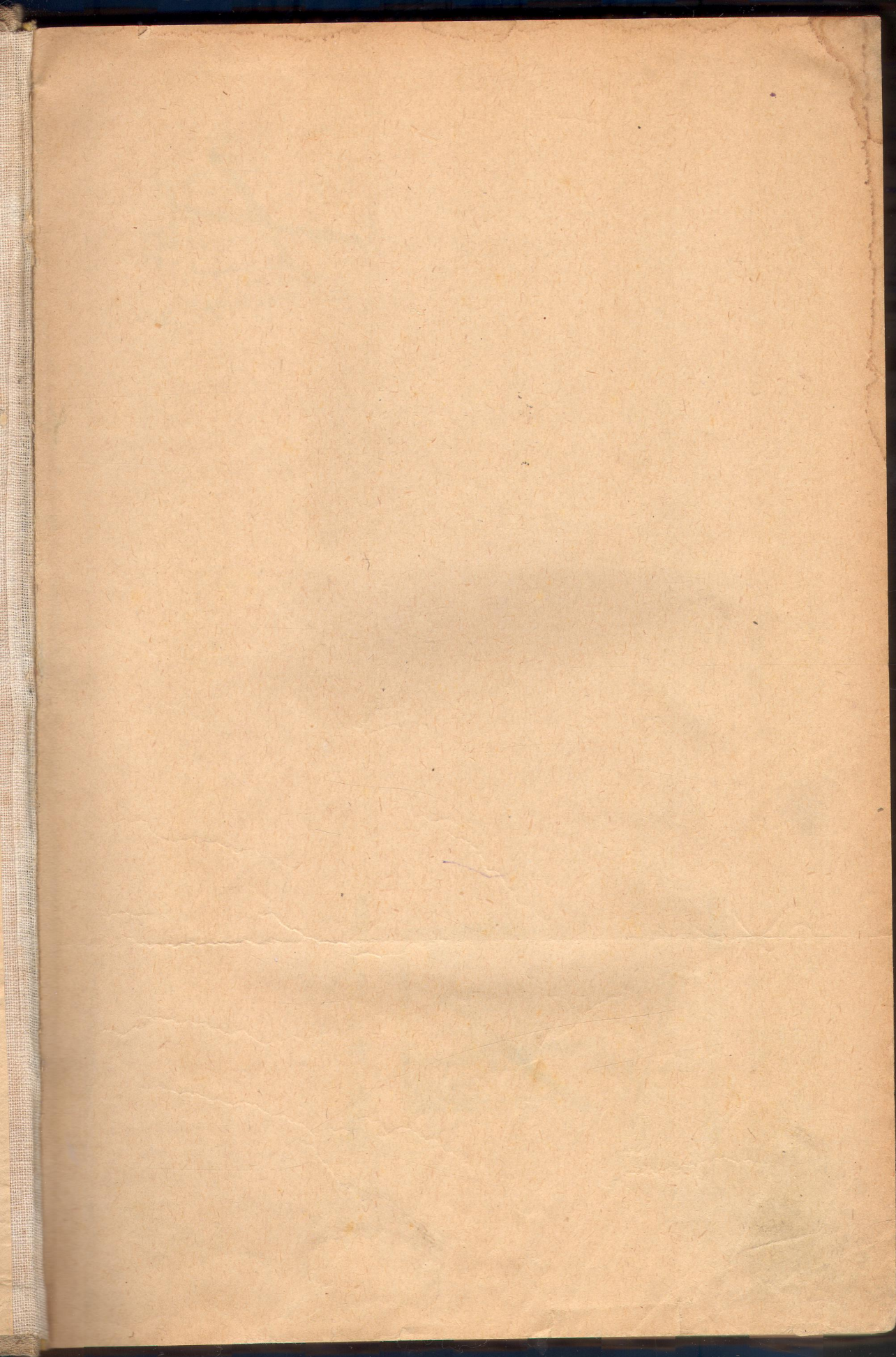
1953

22

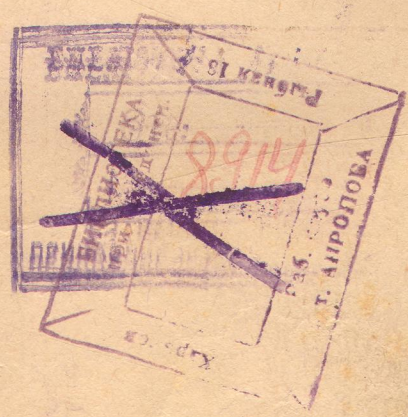
ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срона

This image shows a blank, aged, cream-colored page, likely a ledger or account book page. The page features a faint grid pattern with vertical and horizontal lines, creating a series of rectangular cells. The paper has a slightly textured appearance with some minor discoloration and small brown spots, characteristic of old paper. The grid lines are thin and dark, and the overall tone of the page is a warm, off-white or light beige.

89/4

2170

Г-461 Д.В.

1942

Филиппъ Гиббсъ.

ВОЙНА

34

18

ДУША ВОЙНЫ

Впечатлѣнія корреспондента
съ Западнаго фронта.

Д.В. 1294

==

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
Е. ЛОХТИНА.

545
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БИБЛИОТЕКА ХДУ
Inv. № 154303

ВСЕУКРАЇНСЬКА АСОЦІАЦІЯ
МАРКСО-ЛЕНІНСЬКАГО ІНТЕРНАЦІОНАЛУ
БІБЛІОТЕКА
№ 123325

БІБЛІОТЕКА
НАУКОВО-ІСТОРИЧ. ЦЕНТРА
НА Т. А. ПРОЦЬКА

МОСКВА—1917.

Проверено
ЦНБ 1939

00

58

g-2c

СОДЕРЖАНІЕ:

Предзнаменованія.

Мобилизація.

Война, окруженная тайной.

Отступление.

Начало отлива.

Нашествіе.

Послѣдній оплотъ бельгийцевъ.

Душа Парижа.

Солдаты Франціи.

Люди въ хаки.

Заключеніе.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ.

1.

Кто могъ бы проникнуть въ глубь души взволнованной Англіи въ тѣ іюльскіе дни, когда передъ взоромъ ея народныхъ массъ внезапно появился грозный призракъ войны, угрожая всему, что казалось такъ мирно и спокойно въ нашей повседневной жизни? Англія испытала въ тѣ лѣтніе дни ударъ, который поразилъ ея умъ и сердце, подобно тому, какъ человѣкъ, равнодушный къ добру и истинѣ, вдругъ испытываетъ его на религіозномъ митингѣ, когда страстный проповѣдникъ разбиваетъ жесткую кору его равнодушія и убѣждаетъ его, что смерть и страшный судъ не за горами, и что онъ со всею грѣховностью его жизни будетъ ввергнутъ въ горнило духовной агоніи. Онъ возвращается домой, чувствуя себя измѣнившимся человѣкомъ въ измѣнившемся мірѣ. Даже невинное тиканье часовъ на каминѣ его гостиной говоритъ ему зловѣщимъ голосомъ, напоминающимъ громовые удары. Смерть приближается къ нему все ближе и ближе съ каждымъ ударомъ маятника. Его маленькій домъ, его домашняя обстановка, ежедневная рутина его труда ради мірскихъ благъ, его мелочная непріязнь къ сосѣдямъ, все это кажется ему пустымъ, ничтожнымъ и теряетъ всякое значеніе, такъ какъ судъ Божій близокъ. Его самодовольство, постоянное лицемѣріе, съ которымъ онъ обходитъ правду, разбиты навсегда. Онъ чувствуетъ себя какъ бы обнаженнымъ и трепещетъ, хватаясь единственно за надежду, что у него еще хватитъ времени измѣнить свой характеръ къ лучшему, приобрести новую духовную силу и совершить хоть кое-что изъ того, что онъ оставилъ безъ вниманія—о, если бы вернуть прошлое!—прежде чѣмъ врагъ схватится съ нимъ въ послѣдней роковой борьбѣ.

Таково, только съ меньшей простотой и сознательностью, было настроеніе Англіи въ тѣ немногіе дни, которые слѣдовали за австрійскимъ ультиматумомъ Сербіи и вызовомъ Германіи обращенныхъ къ Франціи и Россіи. По крайней мѣрѣ, именно такъ можно изобразить умственное состояніе правящихъ, политическихъ и, такъ называемыхъ, интеллектуальныхъ классовъ страны, которые могли прочесть правду между строкъ дипломатическихъ депешъ и отчетливо видѣть тѣнь смерти, крадущейся по полямъ Европы, и слышать глухой рокотъ ея барабана.

Нѣкоторые изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей и политиковъ должны были провести мучительные дни и ночи въ концѣ іюля. Они тоже, подобно грѣшнику на митингѣ, ждали приближенія Страшнаго суда. Къ чему было теперь ихъ мелочное честолюбіе и ихъ ничтожное соперничество? Они также чувствовали себя превосходно въ ихъ самодовольствѣ, эти лицемѣры, осторожно обходящіе правду и раздувающіе искры, не обращая вниманія на то, что все можетъ запылать кругомъ. Если бы они могли вернуть прошлое и начать все сызнова! Боже великій, была ли эта ужасная война съ Германіей неизбежной и, въ худшемъ случаѣ, было ли еще время очистить страну отъ ржавчины и приготовиться къ страшной борьбѣ?

2.

Все измѣнилось въ Англіи въ нѣсколько дней. То, что считалось важнымъ, перестало быть имъ. Вооруженіе Ульстера и ирландскихъ націоналистовъ, избирательныя права женщинъ, облегченіе развода, манія ночныхъ клубовъ—остался ли какой-нибудь смыслъ въ этихъ вопросахъ? Обуреваемые не только страхомъ, но и болѣе благороднымъ чувствомъ—выбраться изъ трясины житейской глупости, вожди Англіи прекратили свою вражду. Къ нимъ доносились голоса изъ далекаго прошлаго. Ихъ кровь кипѣла, повинуюсь старымъ чувствамъ и старымъ традиціямъ, которыя, казалось, принадлежали къ историческому хламу, покоившемуся на чердакахъ вмѣстѣ съ изыѣденными молью уборами ихъ предковъ.

Но все же, я долженъ сказать, въ теченіе тѣхъ іюльскихъ дней въ Англіи не было жажды крови. Не было видно стараго джингоизма, воспламенявшаго огромныя толпы передъ бурской войной, и не замѣчалось его признаковъ. Среди вдумчивыхъ людей чувствовался какъ бы родъ недовѣрія къ тому, что война дѣйствительно случится, и за этой недовѣрчивостью скрывалось нѣкое трагическое предчувствіе и родъ нѣкотораго стыда—предчувствіе того, что тайныя силы работали въ пользу войны совершенно внѣ контроля европейскихъ демократій, желавшихъ жить въ мирѣ и согласіи, и стыда, что сама цивилизація, всѣ идеалы, интеллектуальная дѣятельность и демократическій прогрессъ въ Европѣ могли быть отброшены назадъ въ первобытное варварство войны съ ея поголовной безсмысленной бойней и распарываніемъ человѣческаго тѣла штыками—„героическими атаками“, какъ они именуются въ газетахъ—и съ ея проповѣдью ненависти другъ къ другу. Значить, человѣчество все еще подобно звѣрю, какъ оно было двадцать вѣковъ тому назадъ, и вѣсть христіанства все еще не услышана людьми? Соціалистическія ученія, гаагаскія конвенціи, умственный прогрессъ современной демократіи оказались вполнѣ несостоятельными, и если эта война явится на свѣтъ не волей самихъ народовъ, но благодаря международнымъ интригамъ европейскихъ дипломатовъ, гордости военной касты и алчности политическихъ торгашей, поля Европы снова будутъ

политы кровью нашихъ лучшихъ согражданъ, и смерть снова будетъ собирать свою ужасную жатву. Неужели ничто не въ состояніи остановить это кровавое дѣло?

3.

Я думаю, что средніе классы въ Англіи—простые мужчины и женщины, не принадлежавшіе къ профессиональнымъ политикамъ и къ интеллектуальнымъ кружкамъ—были ошеломлены быстрымъ развитіемъ международной „ситуаціи“, какъ это называется въ газетахъ, раньше дѣйствительныхъ объявленій войны, слѣдовавшихъ одно за другимъ подобно громовымъ ударамъ, предвѣщавшимъ міровую бурю. Вѣрно ли было, что Германія чувствовала къ намъ смертельную вражду и была проникнута военнымъ честолюбіемъ, которое должно было превратить въ бойню Европу? Или это была только газетная болтовня для того, чтобы дать читателямъ сенсаціонныя извѣстія къ завтраку? Какъ могли они рѣшить, эти простые невѣжественные люди, которые всегда жаждали прямыхъ правдивыхъ фактовъ? Многіе годы повременная печать Англіи рѣзко дѣлилась на двѣ части по отношенію къ честолюбивымъ замысламъ Германіи, совершенно такъ же, какъ она дѣлилась относительно тарифной реформы или самоуправленія Ирландіи. Либеральная пресса издѣвалась надъ поднимаемыми волосы дыбомъ страхами консервативной печати, а послѣдняя отвѣчала на насмѣшки еще болѣе свирѣпыми атаками на германскую дипломатію и еще болѣе рѣшительными попытками разсорить оба народа. Либеральная печать распространялась любовно о братскомъ чувствѣ германскаго народа къ его англійскимъ родичамъ. Консервативная выискивала зажигательныя статьи и рѣчи повелителей армій и политиковъ юнкерства. Все это обыденному человѣку казалось пустымъ словопреніемъ, такимъ же далекимъ отъ сада его пригороднаго домика, въ которомъ онъ выращивалъ свои розы, или отъ площадки для гольфа, гдѣ онъ проводилъ свои субботніе вечера, какъ и споры о каналахъ на Марсѣ. Правда, по временамъ, въ моменты политическаго оживленія онъ примыкалъ къ той или другой сторонѣ и присваивалъ себѣ газетныя фразы, заявляя съ увѣренностью, которой въ сущности онъ не чувствовалъ, что германскій флотъ является угрозой нашему морскому могуществу, или выражая презрѣніе ко всему этому милитаризму и свою вѣру въ международную солидарность новой демократіи. Однако, ему и въ голову не приходило, что можетъ настать день, когда онъ, житель пригорода, долженъ будетъ сражаться за свой собственный очагъ и испытывать невыносимые ужасы войны, когда розы въ его саду будутъ втоптаны въ грязь и забрызганы кровью, и когда его домъ рухнетъ наподобіе карточного домика, такъ что фотографіи его семьи, дѣтскія игрушки, піанино, купленное имъ въ разсрочку, всѣ семейные пенаты, которымъ онъ поклонялся, все будетъ смѣшано въ одной грудѣ развалинъ—какъ это и было въпослѣдствіи въ Скарборо и Хартльпулѣ, Ипсвичѣ и Саусендѣ.

Средніе классы Англіи старались успокоить себя даже въ предпоследній часъ, не вѣря тому, что ихъ ждало.

— Невозможно!—кричали они.—Этому нельзя повѣрить. Это только газетные страхи.

Но часы шли, тѣнь войны все приближалась и, наконецъ, покрыла собой Европу.

4.

На Флитъ-стритъ *), который соединенъ телеграфной проволокой со всѣмъ міромъ, царил лихорадочная дѣятельность. Стѣны и столы были покрыты картами. Фотографіи, справочники, путеводители, телеграммы валялись въ безпорядкѣ на полу комнатъ редакторовъ. Цѣлыя процессіи искателей приключеній поднимались по ступенямъ зданій на этой улицѣ съ заявленіями о своей бывшей службѣ на поляхъ битвъ Европы, тѣ люди, которые куда-то исчезаютъ въ промежутокъ между одной войной и другой и появляются на свѣтъ, какъ только издалека почувствуется запахъ крови. Съ ними вмѣстѣ въ редакціи потянулись десятки новичковъ съ спортивными инстинктами и самоувѣренностью бродячихъ натуръ, жаждущихъ быть въ центрѣ событій, готовыхъ идти на какихъ угодно условіяхъ и принять на себя всяческій рискъ, только бы видѣть интересныя зрѣлища. Специальные корреспонденты, фотографы, младшіе репортеры газетнаго штаба, помощники редактора, появившіеся на свѣтъ Божій изъ темныхъ комнатокъ съ лихорадочно горящими глазами, утомленными постояннымъ чтеніемъ корректуръ, проходили одинъ за другимъ по лѣстницамъ въ поискахъ за счастьемъ. Имъ представлялся случай видѣть величайшую драму въ жизни съ ея настоящими аксессуарами: дѣйствительные трупы, дѣйствительную кровь и дѣйствительные ужасы. Такого случая нельзя было пропустить ни одному самоуважающему журналисту, для котораго вся жизнь ничто иное, какъ представленіе, которое онъ описываетъ и критикуетъ, находясь въ первыхъ рядахъ креселъ.

Тѣмъ не менѣе въ редакціяхъ на Флитъ-стритъ не было увѣренности въ томъ, что готовить будущее. Даже тѣ руководители иностранныхъ отдѣловъ, которые, какъ полагаютъ, обладаютъ точнымъ знаніемъ самой сути международной политики, колебались въ своихъ утвержденіяхъ. Они вели безконечные дебаты надъ картами и телеграммами. „Война неминуема!“ „Англія не будетъ воевать!“ „Серъ Эдуардъ Грей соберетъ международную конференцію“. „Германія только пугаетъ. Она присмирѣетъ въ послѣднюю минуту. Какъ можетъ она вести войну съ Франціей, Россіей и Англіей?“ „Англія будетъ держаться въ сторонѣ“. „Но наша честь? Какъ же нашъ союзъ съ Франціей?“

Всѣ эти споры, мнѣнія и утвержденія были только показателями глубокаго невѣжества. Флитъ-стритъ не зналъ истины, не смотря на догматизмъ его передовицъ, и не старался серьезно

*) Улица Лондона, на которой находится большинство редакцій газетъ.

отыскать ея. Всѣ тысячи статей, выпущенныхъ съ этой улицы по поводу нашихъ отношеній съ Германіей, представляли изъ себя только индивидуальныя мнѣнія, окрашенныя традиціонной политикой каждой газеты, предразсудками авторовъ и вліяніемъ партійныхъ интересовъ. Флитъ-стритъ только представлялъ изъ себя болѣе интенсивную и чуткую копію психологіи всей страны, которая въ эти дни гигантскаго кризиса была охвачена сомнѣніемъ и, несмотря на всю свою энергію, не хотѣла вѣрить въ ужасную возможность того, что черезъ нѣсколько дней Англія можетъ быть вовлечена въ величайшую войну со времени Наполеона и должна будетъ отчаянно биться за свое существованіе.

5.

Я также не вѣрилъ въ возможность войны, отправляясь на континентъ. Это было 29-го іюля, и Англія еще не подняла перчатки, брошенной Германіей въ лицо европейскому миру.

— Я возвращусь черезъ нѣсколько дней, — говорилъ я, прощаясь. — Призракъ войны еще далекъ отъ насъ. Мысль о войнѣ слишкомъ смѣшна и ужасна.

Ночью передъ отбѣздомъ изъ Англіи, получивъ нужныя бумаги, я лежалъ съ открытыми глазами, и предо мной носилась отвратительная тѣнь того, что созрѣвало въ совѣтахъ Европы. Я гналъ прочь это кровавое видѣніе при помощи старыхъ аргументовъ, старыхъ фразъ, ставшихъ избитыми подъ перомъ тысячи авторовъ.

Война съ Германіей! Война, во время которой половина населенія Европы бросится другъ на друга, миллионы противъ миллионовъ людей, принадлежащихъ къ народамъ высочайшей цивилизаціи. Нѣтъ, это немислимо, невозможно! Къ чему Англіи начинать войну съ Германіей или Германіи вести войну съ Англіей? Мы близки другъ къ другу по крови и характеру, мы связаны другъ съ другомъ тысячами узъ прошлаго, науки, торговли и дружбы. Всѣ лучшіе умы Германіи расположены къ намъ...

6.

Два года тому назадъ въ Гамбургѣ я слышалъ рѣчи обо всемъ этомъ, повидимому искреннія, проникнутыя чувствомъ расовой дружбы. Тотъ юный поэтъ, который подружился со мной, который привезъ меня къ себѣ въ деревню, и чья прелестная жена нарвала для меня розъ въ своемъ саду и сказала мнѣ на своемъ миломъ англійскомъ языкѣ: „Я посылаю съ ними мою любовь Англіи“ — былъ ли онъ лжецомъ, когда онъ произносилъ прекрасныя и трогательныя слова о преклоненіи нѣмцевъ передъ англійской литературой и жизнью и когда — это было поздно вечеромъ, и мы выпили вина — онъ взялъ меня подъ руку и сказалъ: „Если бы когда-нибудь случилась между нами война, я и всѣ мои друзья въ Гамбургѣ стали бы оплакивать это преступленіе и трагедію“.

Въ эту поѣздку въ Гамбургъ насъ, англійскихъ журналистовъ угощали банкетами какъ королей. Столы были увѣшаны цвѣтами въ нашу честь, и тысяча любезностей была оказана намъ съ самой радушной вѣжливостью. Что же, были они всѣ лгуны, эти улыбавшіеся нѣмцы, чокавшіеся съ нами?

Только за нѣсколько недѣль до того, какъ тѣнь войны повисла надъ нами черной тучей, большая компанія нѣмецкихъ журналистовъ пріѣхала къ намъ съ обратнымъ визитомъ, и опять я слышалъ рѣчи о кровномъ братствѣ двухъ народовъ, правда, нѣсколько утомленными этими выдохшимися фразами, но довольный, что я опять среди этихъ друзей-нѣмцевъ, у которыхъ я побывалъ въ гостяхъ. Мы опять чокались, пѣли „God save the King“ и „Wacht am Rhein“, сравнивали характеръ нѣмецкой и англійской литературы, нѣмецкихъ и англійскихъ женщинъ, обмѣнивались крѣпкими рукопожатіями и говорили: „Auf wiedersehen!“ Были ли мы всѣ лжецами въ этой комнатѣ, и зналъ ли кто изъ присутствовавшихъ, что въ то время, какъ слова дружбы срывались съ его устъ, въ сердцѣ его горѣла ненависть, и его страна втихомолку готовилась къ великой и жестокой войнѣ? Слышалъ ли кто-нибудь изъ этихъ нѣмецкихъ журналистовъ далекіе раскаты Крупновскихъ пушекъ, которыя уже тогда испытывались для войны съ Франціей и Англіей? Теперь я вѣрю, что нѣкоторые изъ нихъ должны были это знать...

7.

Можетъ быть, и я долженъ бы знать это, вспоминая мою поѣздку по Германіи за два года до этого банкета.

Это произошло послѣ Агадирскаго инцидента, когда я былъ посланъ моей газетой въ Германію съ миссіей голубя мира, а именно собрать доброжелательныя чувства расположенія къ Англіи отъ выдающихся личностей, которыя пожелали бы, благодаря интеллектуальной дружбѣ къ намъ, полить масломъ разбушевавшіяся воды, глубоко взволнованныя нашимъ вызовомъ германской политикѣ. У меня была цѣлая куча рекомендательныхъ писемъ, которыми я воспользовался въ Берлинѣ и Лейпцигѣ, въ Франкфуртѣ и Дюссельдорфѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ.

Первый, къ кому я обратился съ моимъ похвальнымъ намѣреніемъ, былъ извѣстный демократъ, который зналъ половину членовъ нашей Палаты общинъ и могъ похлопывать по спинѣ нашихъ либераловъ съ большей фамиллярностью, чѣмъ я осмѣлился бы когда-нибудь проявить. Имъ было потрачено много времени и труда на организацію дружественныхъ визитовъ между рабочими и муниципалитетами обѣихъ странъ. Когда я передалъ ему рекомендательное письмо, онъ былъ нѣсколько сдержанъ и какъ бы смущенъ. Въ скоромъ времени онъ удалился изъ комнаты на нѣсколько минутъ, и я увидалъ на его конторкѣ нѣмецкую газету съ передовой статьей, подписанной его именемъ. Я прочиталъ ее и былъ изумленъ, найдя въ ней яростный выпадъ противъ Англіи, требующій отъ нѣмцевъ, чтобы они не за-

бывали и не прощали обиды, нанесенной имъ нами въ Марокканскомъ кризисѣ. Когда хозяинъ вернулся, я осмѣлился спросить его, относительно этой статьи, и онъ объявилъ, что его старая дружба къ Англіи исчезла. Онъ не имѣлъ возможности дать мнѣ выраженія расположенія къ Англіи.

Я не могъ получить выраженія доброжелательства ни отъ одного общественнаго дѣятеля въ Германіи. Я помню сердитый разговоръ съ однимъ духовнымъ лицомъ въ Берлинѣ, личнымъ другомъ Кайзера, хотя въ теченіе многихъ лѣтъ и горячаго поклонника Англіи.

Онъ ходилъ по комнатамъ взадъ и впередъ, ступая слышными шагами по мягкому коврику.

— Теперь не время для медовыхъ рѣчей! — сказалъ онъ. — Англія оскорбила насъ. Такіе поступки не могутъ быть терпимы великой націей, какъ мы. На нихъ существуетъ лишь одинъ отвѣтъ, а именно на остріе меча!

Я осмѣлился упомянуть о влияніи христіанства, которое могло бы удержать человѣчество отъ жестокостей войны.

— Но вѣдь церковь должна проповѣдывать евангеліе мира? Иначе она противорѣчитъ духу ученія Христа.

Онъ рѣшилъ, что я намѣревался оскорбить его, и черезъ нѣсколько минутъ позвонилъ въ знакъ того, чтобы я ушелъ.

Даже Эдвардъ Бернштейнъ, великій вождь социаль-демократовъ, не могъ дать мнѣ ничего утѣшительнаго для моей газеты.

— Духъ національности, — сказалъ онъ — я записалъ его слова, — сильнѣе, чѣмъ абстрактные идеалы. Пусть Англія не дѣлаетъ ошибки. Если война будетъ объявлена завтра, социаль-демократы выступать, какъ одинъ человѣкъ, въ защиту отечества... И вы должны допустить, что Англія или, вѣрнѣе, англійское министерство иностранныхъ дѣлъ, слишкомъ сильно испытываетъ нашу гордость и терпѣніе!

Моя миссія не удалась. Я возвратился безъ всякихъ выраженій добрыхъ чувствъ къ намъ со стороны нѣмецкихъ общественныхъ дѣятелей, и съ тяжелой мыслью о скрытыхъ огняхъ, тлѣющихъ въ Германіи, тѣхъ огняхъ ненависти, которые не легко потушить при помощи дружественныхъ или сентиментальныхъ статей англійской либеральной печати. Однако, среди обыкновенной публики въ вагонахъ и ресторанахъ, пивныхъ и отеляхъ я не находилъ враждебности ко мнѣ, какъ къ англичанину. Скорѣе нѣмцы сами шли мнѣ навстрѣчу, стараясь относиться ко мнѣ дружески. Нѣсколько студентовъ Лейпцигскаго университета взяли меня на общественный балъ, выразили мнѣ свое восхищеніе англійскимъ спортомъ и спросили мое мнѣніе относительно сравнительныхъ достоинствъ различныхъ англійскихъ боксеровъ, при чемъ я долженъ былъ признаться въ полномъ своемъ невѣжествѣ. Они были славные молодые люди, и мнѣ они очень понравились. Въ различныхъ городахъ Германіи я восхищался веселой оживленной *Gemuthlichkeit* народа, великолѣпной организаціей ихъ гражданственности, ихъ промышленностью и народнымъ духомъ. Находясь среди нѣмцевъ, я думалъ о возможности той

неизбѣжной войны—*unvermeidliche Krieg*—которая служила предметомъ обсужденія всѣхъ нѣмецкихъ газетъ. Хотѣли ли эти люди войны съ Англіей или войны вообще? Смѣхъ клерковъ и приказчицъ, толпящихся по Фридрихштрассе, мирное благодушіе буржуазной толпы, мужей и женъ, дѣвушекъ и ихъ обожателей, разгоряченной жаркой атмосферой ярко освѣщенныхъ пивныхъ, казалось, дѣлало мой вопросъ нелѣпымъ. Духъ германскаго народа казался совершенно миролюбивымъ и демократичнымъ. Безъ сомнѣнія совокупность здраваго смысла всѣхъ этихъ людей средняго класса должна спасти ихъ отъ всякихъ преступныхъ авантюръ, предложенныхъ военной кастой, которая бряцаетъ саблѣй при всякомъ удобномъ случаѣ. Итакъ, я вернулся домой съ путаницей понятій...

8.

Маленькій милый человѣчекъ явился года два тому назадъ въ Лондонъ, и его прибытіе было отмѣчено въ газетахъ. Оказывалось, онъ былъ великій статистикъ. Онъ былъ посланъ правительствомъ какъ Канады, такъ и Соединенныхъ Штатовъ изготovitъ какой-то „статистическій обзоръ Европы“. Меня послали отыскать его гдѣ-то въ Темплѣ и заставить его поговорить о статистикѣ.

Но послѣ того, какъ я ему представился, онъ тщательно заперъ двери и съ озабоченнымъ взглядомъ черезъ его золотые очки задалъ мнѣ странный вопросъ:

— Что, вы честный молодой человѣкъ и добрый патріотъ?

Я не могъ представить вѣрительной грамоты на честность или патріотизмъ, но выразилъ надежду, что я не лишенъ ни того, ни другого.

— Я думаю, вы явились сюда говорить со мной о моихъ статистическихъ работахъ?

Я согласился, что такова была дѣйствительно моя миссія.

— Онѣ не важны,—сказалъ онъ,—въ сравненіи съ тѣмъ, что я вамъ скажу. Я хочу говорить съ вами о Германіи. Англійскій народъ долженъ знать, что я узналъ въ продолженіе цѣлаго года моего пребыванія въ этой странѣ, гдѣ я жилъ все время въ обществѣ чиновниковъ. Серь, мнѣ кажется, что англійскій народъ не знаетъ, что весь духъ интеллектуальной Германіи направленъ на войну съ Англіей. Вотъ, что властвуетъ надъ ихъ мыслями и мечтами, надъ всей дѣятельностью нѣмецкаго народа!

Цѣлый часъ маленький лысый человѣкъ говорилъ мнѣ о всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ относительно вражды Германіи къ Англіи въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ пребыванія въ нѣмецкихъ правящихъ кругахъ. Онъ желалъ дать эти свѣдѣнія какой-нибудь вліятельной и солидной англійской газетѣ. Онъ полагалъ, что англійскій народъ имѣетъ право знать это.

Я пошелъ обратно въ редакцію гораздо болѣе встревоженнымъ, чѣмъ мнѣ хотѣлось бы признаться даже самому себѣ. Въ голосѣ маленькаго человѣка, находившаго время интересоваться

и другими вещами, кромѣ своего „статистическаго обзора Европы“, звучаль неподдѣльный ужасъ. Казалось, что онъ считаль себя обладателемъ важной и страшной тайны, угрожающей судьбѣ всей нашей имперіи. Однако, никто не хотѣль вѣрить ему, когда онъ высказаль свою тайну, несмотря на все его рвеніе. Мой редакторъ не хотѣль вѣрить ему, и ни одно изъ его словъ не было опубликовано ни въ моей газетѣ, ни въ какой-либо другой. Все-таки, по временамъ, я вспоминаль о немъ и думаль, не было ли во всѣхъ тѣхъ предостереженіяхъ, которыя доходили до насъ, ужасной истины, которая во всей своей звѣрской неприглядности когда-нибудь жестоко посмѣется надъ всѣми тѣми въ Англіи, кто вѣрилъ, что дружественныя отношенія съ Германіей могутъ быть поддерживаемы съ помощью дружескихъ фразъ. Тѣмъ временемъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ не обнаруживало своихъ секретовъ и не давало никакихъ указаній народу какъ относительно опасности, такъ и задачъ политики—народу, который долженъ былъ платить кровью за свое незнаніе.

9.

Когда я стояль на палубѣ парохода въ гавани Дувра, смотря на Англію, бѣлые утесы которой слабо вырисовывались во мракѣ, на меня нашла трагическая увѣренность въ томъ, что вызовъ войны дойдетъ и до Англіи, требуя въ жертву ея сыновей. Можетъ быть, это должно было случиться даже въ эту ночь. Второй помощникъ капитана подошелъ къ борту парохода и вперилъ свой взоръ на черную, какъ чернила, воду, по которой скользили блестящія бѣлыя полосы, когда прожекторы далекихъ боевыхъ судовъ пробѣгали по морю.

— Боже мой!—сказаль онъ тихимъ голосомъ.

— Вы думаете, что это случится сегодня?—спросилъ я такъ же тихо. Мы говорили такъ, какъ будто бы боялись чего-то.

— Похоже на то. Германскій флотъ не сталъ бы дожидаться объявленія войны, если бы нѣмцы думали, что могутъ застать насъ врасплохъ... Но они не придутъ. Мы готовы ихъ встрѣтить—здѣсь, по крайней мѣрѣ!

Онъ метнулъ большимъ пальцемъ руки на огромныя темныя массы, виднѣвшіяся среди мрака гавани и отражавшія кое-гдѣ въ водѣ свои металлическія части. Это были крейсера и подводныя лодки, стоявшіе у входа въ портъ.

— Здѣсь ихъ масса! — сказаль помощникъ капитана. — Они стоятъ по всему проливу... Запасные уже призваны, нынче ночью ихъ привезли въ Дувръ. А публика еще не понимаетъ, что это значить. Спитъ спокойно.

Онъ опять обратилъ свой взглядъ на море, и прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ снова не заговорилъ.

— Странно, не правда ли? Всѣ спятъ сегодня ночью, какъ будто бы ничего и не случилось. А между тѣмъ черезъ нѣсколько часовъ, быть можетъ, начнется адъ. Да, вотъ что начнется скоро—адъ и проклятія, если я знаю что-нибудь о войнѣ.

— Что это такое?—спросилъ я, указывая впередъ. Съ каждой стороны порта два прожектора выпустили прямой лучъ свѣта, и въ этомъ сіяніи проскользнула на поверхности воды какъ бы золотая змѣя съ блестящей чешуей.

— Чайки, — сказали помощникъ капитана. — Должно быть, испуганы всѣмъ этимъ свѣтомъ. Онѣ что-то чуютъ. Можетъ быть, онѣ уже почуяли—кровь!

Онъ сказалъ со смѣхомъ, но это былъ странный смѣхъ.

10.

Въ помѣщеніи ресторана около дюжины людей пили у стойки. Они сильно шумѣли и уже были навеселѣ. По ихъ акценту легко было догадаться, что они изъ Манчестера, а по ихъ дорожнымъ мѣшкамъ было очевидно, что они совершаютъ короткую экскурсію въ Парижъ. Служащій компаніи Кука общалъ имъ, что они чудесно проведутъ время. Въ Парижѣ масса хорошенкихъ женщинъ. Они хлопали его по спинѣ и называли „старинной“.

Спокойный господинъ, сидѣвшій противъ меня въ кожаномъ креслѣ—впослѣдствіи я встрѣтилъ его въ Британскомъ посольствѣ въ Парижѣ,—поймалъ мой взглядъ и улыбнулся.

— Они, кажется, не очень-то озабочены международнымъ кризисомъ. Быть можетъ, легче будетъ попасть въ Парижъ, чѣмъ выбраться оттуда.

— А теперь выпьемъ круговую, братцы!—воскликнулъ одинъ изъ туристовъ.

На палубѣ пѣли. Это была Марсельеза. Я пошелъ по направлению звука и нашелъ группу молодыхъ французовъ, которые стояли у кормы парохода и прощались съ Англіей въ то время, какъ гудѣла сирена, заглушая лягъ дѣпей и трескъ опускаемыхъ сходней. Эти французы были вызваны въ свое отечество для защиты родины и въ противоположность захмѣлѣвшимъ англійскимъ туристамъ были опьянены патріотическимъ энтузіазмомъ.

— Vive l'Angleterre! *).

Съ набережной послышался отвѣтъ:

— Vive la France! **).

Съ этимъ возгласомъ мы отчалили и вышли въ открытое море. Яхта съ бѣлыми парусами, ярко освѣщенная лучемъ прожектора, такъ что она казалась волшебнымъ кораблемъ въ видѣніи сна, вошла въ портъ и затѣмъ исчезла во мракѣ ниже адмиралтейской гавани.

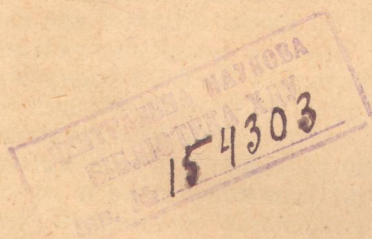
— Странно видѣть яхту въ эту ночь!—сказалъ я помощнику капитана.—Что ей здѣсь нужно?

— Я самъ хотѣлъ бы знать. На ней и шкиперъ, и команда нѣмцы. Шпіоны они всѣ, вотъ что я думаю. Но, повидимому, никто этимъ не интересуется.

*) „Да здравствуетъ Англія!“

**) „Да здравствуетъ Франція!“

Но нами интересовались. Когда нашъ пароходъ пересѣкалъ проливъ, прожекторы съ англійскихъ военныхъ судовъ направляли свои лучи на насъ, заливая насъ свѣтомъ отъ носа до кормы, постоянно слѣдя за нами, превращая нашу палубу и мѣдныя части въ сіяющее серебро и сверкающее золото. Когда на меня падали эти ослѣпительные лучи, я чувствовалъ, что глаза боевыхъ судовъ проникали въ глубь моей души, и я перешелъ на другую сторону парохода, какъ будто смущенный ихъ пристальными взорами. Я смотрѣлъ на берегъ съ его мигающими огоньками и неясно вырисовывающимися утесами и желалъ, чтобы я могъ при помощи какого-нибудь прожектора заглянуть въ душу Англіи въ эту ночь, когда рѣшалась ея судьба. За утесами Дувра въ глубокомъ мракѣ ночи Англія спала. Не слышалъ ли ея народъ, какъ бой барабановъ смерти становился все громче и громче на поляхъ Европы, точно такъ же, какъ я въ ту минуту слышалъ ихъ грохотъ въ моихъ ушахъ, заглушавшій свистъ вѣтра?

МОБИЛИЗАЦІЯ.

1.

Громовой ударъ раздался среди голубого неба и блестящаго сіянія солнца, которое ослѣпительно освѣщало бѣлыя зданія Парижа и бросало тѣни тополей на длинныя прямыя дороги среди полей Франціи. Дѣти играли какъ обыкновенно въ садахъ Тюльери, и ихъ няньки въ бѣлыхъ чепчикахъ шили и болтали въ тѣни опаленныхъ солнцемъ деревьевъ. Старый любитель птицъ попрежнему звалъ воробьевъ, которые слетались на его плечи и клевали хлѣбъ изъ его рта, и полишинель попрежнему исполнялъ свою потѣшную драму въ театрѣ Пти-Гиволь, передъ хочущей толпой мальчиковъ и дѣвочекъ. Пароходики на Сенѣ перевозили тяжелый грузъ ищущихъ развлеченій въ Севръ и другія мѣста отдыха на рѣкѣ. Элегантныя дамочки демимонда въ Pavillon Bleu въ Сенъ-Клу пили маленькими глотками розовый сиропъ со льдомъ, говорили въ тысячный разъ: „Ciel, comme il fait chaud!“ *) и хлопали по рукамъ молодыхъ людей съ орлиными носами, съ бѣлыми поджилетниками, въ блестящихъ сапогахъ и другихъ символахъ высокой цивилизаціи. Американцы въ панاماхъ на затылкѣ бродили по Rue de Rivoli, останавливаясь передъ послѣдними этюдами голыхъ женщинъ, выставленныхъ въ витринахъ, а ночью шли за приключеніями на Монмартрѣ, туда, гдѣ оркестръ въ Bal Tabarin попрежнему наигрывалъ безумное танго, прерываемое пѣньемъ съ дикимъ выкрикиваньемъ, и туда, гдѣ толпы накрашенныхъ дамъ съ томными глазами въ Folies Bergèrese попрежнему прохаживались въ фойѣ среди волнъ спертаго, пропитаннаго духами воздуха. Маленькіе столики были разставлены по тротуарамъ на бульварахъ, и рестораны подъ тентами были заполнены тѣми французскими буржуа и ихъ женщинами, которые не расстаются съ Парижемъ даже и въ жаркое время года, предпочитая видъ своихъ знакомыхъ улицъ Діеппу и Ле-Туке. Это былъ тотъ же самый старый Парижъ, переполненный туристами компаніи Кука и полный мелодіи жизни, какъ она наигрывается гудками автомобилей, шумомъ паровыхъ трамваевъ, пронзительными голосами камло, выкрикивающихъ „La Presse! La Presse!“ и легкимъ смѣхомъ женщинъ.

*) „Солнышко хорошо грѣетъ“.

Внезапно ударилъ громъ, предвѣщая войну, и въ нѣсколько дней Парижъ измѣнился какъ будто бы по мановенію волшебнаго жезла. Большинство дѣтей исчезло изъ садовъ Тюльери со своими няньками въ бѣлыхъ чепчикахъ, и воробьи напрасно искали своего благодѣтеля, кормильца птицъ. Полишинель издалъ послѣдній крикъ ужаса и исчезъ, когда театръ Пти-Гиньоль былъ уложенъ въ ящики, чтобы дать мѣсто болѣе трагическимъ сценамъ. На Монмартрѣ настала тишина, и музыканты оркестровъ упаковали инструменты и спѣшили съ испуганными лицами въ Берлинъ, Вѣну и Будапештъ. Не шло болѣе пароходовъ къ Северу и Сень-Клу съ толпами ищущихъ развлечения. Сена была странно спокойна подъ своими мостами, и въ Pavillon Bleu не сидѣло больше изящныхъ созданій, тянущихъ розовые сиропы со льдомъ и бьющихъ по рукамъ горбатыхъ юношей, которые платили за нихъ. Женщины прятались по своимъ комнатамъ, вопрошая Бога — обыкновенно и до войны онѣ задавали Богу курьезные вопросы — какъ будутъ онѣ жить теперь, когда ихъ возлюбленные ушли сражаться, не оставя имъ ничего кромѣ воспоминанія о послѣднемъ поцѣлуѣ, орошенномъ слезами. Этого было слишкомъ мало, чтобы прожить много, много дней.

2.

Въ послѣдніе дни іюля и первые августа Парижъ былъ оглушенъ какъ громомъ угрозой, которая приближалась быстро и рѣшительно. Война! Но почему? Почему, во имя Бога, Франція вынуждена вести войну, къ которой она не была готова, которой она не хотѣла, только потому, что Австрія обратилась съ ультиматумомъ къ Сербіи, требуя наказанія этой націи разбойниковъ за убійство никому ненужнаго эрцгерцога? Германія была позади всего этого, Германія усложняла событія, раздражая Россію, хмурясь на Францію и бряцая мечомъ въ ножнахъ такъ, что шумъ раздавался по всей Европѣ. Ну и пусть ее бряцаютъ, пока Франція можетъ держаться въ сторонѣ и хранить тотъ миръ, которому она обязана всѣмъ своимъ благополучіемъ со времени кошмара 1870 года.

L'année terrible! *). Во Франціи было много людей, которые помнили этотъ трагическій годъ, и теперь, послѣ сорока четырехъ лѣтъ, они вспомнили прежнее и содрогнулись. Они видѣли ужасы войны и знали, что она такое: разстройство всей жизни, гибель молодого поколѣнія, звѣрская жестокость, мученія женщинъ, нищета и раззореніе. Франція должна была тогда склонить свои колѣни и испытать высшую степень униженія, которая могла выпасть на долю гордой націи. Но она оправилась чудеснымъ образомъ, и постепенно даже ея желаніе отмщенія, страстная надежда, что когда-нибудь она отплатитъ за всѣ оскорбленія и жестокости, остыло и исчезло. Даже изъ-за мести не стоило вести войну. Даже возвращеніе потерянныхъ провинцій не стоило жизни

*) Страшный годъ.

всѣхъ тѣхъ тысячъ молодыхъ людей, которые должны оплатить кровью пѣну побѣды. Эльзась и Лотарингія представляли изъ себя только романтическое воспоминаніе, поддерживаемое въ памяти лишь кучкой горячихъ головъ и идеалистовъ, которые разъ въ годъ собирались у статуи на Place de la Concorde, клали вѣнки, произносили съ энтузіазмомъ рѣчи, которыя звучали фальшиво, и клялись въ своей вѣрности утраченнымъ провинціямъ—*quand meme!* Въ этихъ ежегодныхъ церемоніяхъ было много благерства, надъ которымъ смѣялись французы, обладавшіе здравымъ смысломъ. Эльзась и Лотарингія были онѣмечены. Французъ найдетъ тамъ немногихъ, говорящихъ на его языкѣ. Старыя узы чувства почти износились, и во Франціи не было партіи, которая рискнула бы пропагандировать войну съ Германіей ради двухъ потерянныхъ провинцій. Такого рода политика была бы преступленіемъ противъ самой Франціи, которая забыла о мести и проникнута только однимъ стремленіемъ — добиваться своихъ идеаловъ и совершать свою задачу мирнымъ путемъ.

3.

Ни въ Парижѣ, ни въ другихъ городахъ Франціи не было ни дикаго взрыва шовинистической лихорадки, ни враждебныхъ демонстрацій противъ Германіи въ тотъ день перваго августа, когда весь французскій народъ ждалъ рокового рѣшенія, которое могло призвать всѣхъ здоровыхъ людей къ знаменамъ, остановить всю дѣятельность нормальной жизни страны и потребовать страшной жертвы крови и слезъ. Замѣтно было лишь какое-то умственное оцѣпенѣніе, которое, повидимому, охватило всѣхъ настолько, что они не могли разсуждать логически, но только гнали отъ себя страшную возможность съ помощью одного слова, произносимаго страстно и повторяемаго тысячу разъ въ день: „*Incroyable!*“

4.

Слово „невероятно“ гудѣло у меня въ ушахъ. До меня доносился звукъ его, когда я бродилъ по бульварамъ. Оно входило какъ припѣвъ въ концѣ каждой фразы, произносимой каждой группой мужчинъ и женщинъ, сидѣвшихъ около кафе и пробѣгавшихъ каждый выпускъ безчисленныхъ газетъ, которыя выпускались ежечасно. Это слово я получалъ отъ всѣхъ, когда я пытался найти ключъ къ секретнымъ дѣйствіямъ дипломатіи, и оно служило отвѣтомъ на вопросъ о войнѣ или мирѣ: „*C'est incroyable!*“ Трудно было повѣрить, французы не хотѣли вѣрить, чтобы безъ всякаго вызова съ ея стороны Германія стремится обдуманно принудить къ войнѣ Тройственное Согласіе и залить кровью Европу. У многихъ французовъ, съ которыми я лично встрѣчался, кромѣ недовѣрія и оцѣпенѣнія замѣчалась затаенная боязнь, что Франція неподготовлена къ великому испытанію, и что война найдетъ ее раздѣленной на партіи, неорганизованной и неподготовленной,

развращенной и продажной въ нѣкоторыхъ ея правительственныхъ учрежденіяхъ. Соціалисты и синдикалисты, боровшіеся противъ трехлѣтней воинской повинности, могли отказаться выступить въ походъ! Только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ одинъ изъ депутатовъ намекнулъ на серьезные скандалы въ дѣлѣ снабженія и вооруженія арміи. На память приходила исторія 1870 года съ ея ужасной дезорганизаціей и неподготовленностью и тяжело ложилась на сердце тѣхъ французскихъ интеллигентовъ, которые, держась въ сторонѣ отъ политики, не довѣряютъ всѣмъ политикамъ, весьма мало полагаясь на ихъ честность и ихъ способности. Кто могъ сказать, будетъ ли въ состояніи Франція, новая Франція, какъ ее называютъ, подняться выше своихъ старыхъ недостатковъ и противопоставить опасности этой войны сильный, здоровый и недѣлимый духъ?

5.

1-го августа начался наплывъ публики въ банки съ требованіями о возвратѣ вкладовъ. Я проходилъ мимо одного изъ нихъ и видѣлъ, какъ двери его были осаждены тысячами мужчинъ и женщинъ средняго класса, вытянувшимися въ длинный хвостъ и ожидавшими своей очереди очень спокойно, съ непривычными для парижской толпы спокойствіемъ, для того чтобы выбрать сбереженія всей жизни или капиталъ ихъ предпріятій. Подобныя же толпы стояли около другихъ банковъ, и на всѣхъ лицахъ этихъ людей было выраженіе озабоченности и страха, какъ будто бы все, изъ-за чего они боролись и трудились, награда за всю ихъ грошовую экономію и скарденность, уловки и плутни, за постоянные самоотказы и за умерщвленіе души, могло быть внезапно вырвано отъ нихъ, оставивъ ихъ нищими. Трепетъ пробѣжалъ по одной такой толпѣ, когда на лѣстницу банка вышелъ молодой человѣкъ и сказалъ нѣсколько словъ. Въ этомъ трепетѣ послышался какъ бы вздохъ, а затѣмъ громкій ропотъ и кое-гдѣ гнѣвные протесты. Кассиры ушли и по чекамъ больше не платили.

— Мы раззорены!—сказала одна женщина.—Война отберетъ у насъ всѣ наши деньги. Боже мой!

Она протолкалась черезъ толпу съ неподвижнымъ блѣднымъ лицомъ и горящими глазами.

6.

Страшно было, какъ въ одинъ только день все золото исчезло изъ Парижа. Я не видалъ его блеска рѣшительно нигдѣ, если только я не вынималъ его изъ моихъ кармановъ. Даже серебро было рѣдко, при чемъ каждый старался размѣнять на мелочь бумажки, которыхъ не принимали въ магазинахъ. Когда я положилъ одну изъ нихъ на столъ въ Café Tourtel, лакей покачалъ головой и сказалъ: „La petite monnaie, s'il vous plaît!“ *) Въ другомъ

*) „Позвольте маленькую монету“.

мѣстѣ, гдѣ я положилъ золотую монету, лакей схватилъ ее, какъ будто она была рѣдкой и удивительной вещью, и затѣмъ далъ мнѣ сдачу бумажками, новыми пятифранковыми билетами, выпущенными правительствомъ. Вечеромъ на стѣнахъ были расклеены официальные объявленія, запрещающія вывозъ зерна и муки. Публика читала ихъ и говорила: „Это, значить, война!“ Другой знакъ надвигавшихся событій, произведшій еще большее впечатлѣнiе на парижанъ, было внезапное уменьшенiе въ объемѣ вечернихъ газетъ. Онѣ были выпущены только въ два листа, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ видѣ одного листка благодаря предстоящей возможности бумажнаго голода, въ случаѣ если бы началась война и отрѣзала доставку запасовъ въ Парижъ, когда желѣзныя дороги были бы заняты мобилизаціей войскъ.

7.

Городъ былъ очень спокоенъ и снаружи казался такимъ же, какъ и во всякій другой августовскій день. Но подъ этимъ кажущимся спокойствiемъ росла и поднималась тревога, и нервы населенія были такъ взвинчены, что всякій внезапный звукъ заставлялъ людей вскакивать со своихъ стульевъ на тротуарахъ, около кафе ресторановъ. Парижъ боялся самого себя. Какой сумятицы, бунта или преступной демонстраціи, разразившейся внезапно, нельзя было ожидать отъ этой подозрительной тишины? Апаши и анархисты могли быть охвачены кровавымъ безумiемъ, которое опьяняетъ людей во время войны. Соціалисты и синдикалисты могли отказаться идти на войну и могли сами возстать въ защиту своего нежеланія воевать. Какое-нибудь политическое преступленіе могло раздуть эти тлѣющія страсти въ страшное пламя и вызвать адскія сцены на улицахъ. Такъ, населеніе Парижа ждало будущаго и съ волненiемъ прислушивалось къ бiенію пульса города.

Рѣзкое стакатто револьверныхъ выстрѣловъ, раздававшееся на Rue de Montmartre въ ночь на 31 іюля заставило содрогнуться весь городъ, какъ будто бы это былъ сигналъ для преступнаго заговора, который могъ погубить Францію, внеся въ нее раздоръ въ то время, когда врагъ стоялъ на ея границѣ.

Самъ я не слышалъ этихъ выстрѣловъ, но только крики продавцовъ газетъ, оповѣстившихъ объ этомъ почти тотчасъ же весь Парижъ. Только случайная встрѣча со знакомымъ отвлекла меня отъ намѣренія пойти обѣдать въ ресторанъ Croissant, гдѣ совершилось преступленіе и какъ разъ въ тотъ часъ, когда я долженъ былъ тамъ находиться. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Франція была охвачена желѣзнодорожной забастовкой, разившейся почти до революціи, я часто бывалъ въ Croissant въ два, три или четыре часа ночи, потому что этотъ ресторанъ получилъ разрѣшеніе отъ полиціи торговать всю ночь ради удобства журналистовъ. Ночныя птицы другого рода находили тамъ пріютъ въ это время: дамы, которыя не спятъ ночью, и странныя личности, которыя никогда не ложатся въ постель. Въ одну

ночь я наткнулся тамъ на подозрительную компанію, тайную клику парижскихъ анархистовъ, которые праздновали тогда побѣду надъ французскимъ закономъ. Ихъ глаза сверкали на блѣдныхъ лицахъ, какъ раскаленные угли. Они запускали свои длинные тонкіе пальцы въ косматые волосы и произносили страстные рѣчи въ полголоса, наклоняясь другъ къ другу.

Въ этомъ интересномъ мѣстѣ, на этомъ самомъ бархатномъ креслѣ, гдѣ я сидѣлъ, наблюдая компанію анархистовъ, наканунѣ войны былъ убитъ Жоресъ. Ветеранъ, ораторъ французскаго социализма, тотъ, кто могъ до такой степени волновать страсти толпы, какъ я не разъ былъ этому свидѣтель, что по его мнѣнію они объявили бы войну всѣмъ правительственнымъ властямъ, былъ убитъ, когда онъ сидѣлъ спиною къ открытому окну, отдѣленному отъ улицы тонкой занавѣской. Молодой убійца, патріотъ, какъ онъ называлъ себя, былъ возбужденъ до истерической ненависти къ человѣку, который пытался ослабить боевую мощь Франціи, протестуя противъ трехлѣтней службы въ войскахъ. Безуміе войны охватило душу убійцы, и хотя Жоресъ призывалъ французскихъ социалистовъ выступить какъ одинъ человѣкъ въ защиту „La Patrie“, этотъ юный невзрастеникъ выбралъ его первой жертвой той гигантской жертвы крови, которая съ тѣхъ поръ струится. Жоресъ, честный въ своемъ желаніи устроить лучшую жизнь для измученныхъ рабочихъ Франціи, былъ смертельно раненъ выстрѣломъ черезъ окно, и пунцовый бархатъ его кресла былъ окрашенъ еще болѣе темными пятнами.

8.

Въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ со времени этого убійства вся Франція была въ страхѣ. Казалось возможнымъ, что это преступленіе можетъ вызвать взрывъ страстей среди послѣдователей вождя социалистовъ. Были спѣшно расклеены по стѣнамъ объявленія военнаго губернатора, выражавшія отвращеніе къ убійству великаго француза, обѣщавшія справедливое наказаніе за преступленіе и призывавшія народъ остаться спокойнымъ во время великаго народнаго кризиса, который долженъ былъ рѣшить судьбу Франціи.

Никто не возсталъ противъ этого призыва. По странной проиіи судьбы смерть Жореса усилила правительство, на которое онъ нападалъ всю свою жизнь, и мертвое тѣло вѣстника раздора стало на пути къ могилѣ символомъ объединенной Франціи, повинновенія ея законамъ и воинскаго духа, который онъ осмѣивалъ и порицалъ въ старые дни бунта. Въ бурный день я видѣлъ красное знамя революціоннаго социализма, развѣвавшееся на Place de la Concorde передъ гробомъ, въ которомъ покоился прахъ вождя. Флагъ за флагомъ кроваво-краснаго цвѣта тянулся мимо меня, дерзко горя на ослѣпительномъ солнцѣ, а позади шествовали представители всѣхъ партій въ государствѣ, включая и тѣхъ, кто оговаривалъ Жореса при жизни какъ предателя, революціонера и какъ наибольшее зло во Франціи. Первый разъ въ

исторіи республиканцы и клерикалы шли въ процессіи за кроваво-краснымъ знаменемъ.

9.

Часть французской арміи, состоящая на дѣйствительной службѣ, была уже послана къ границамъ. Прежде чѣмъ первый шопоть войны достигъ до ушей публики, значительныя силы были уже посланы въ пограничныя города, чтобы увеличить находящіеся тамъ гарнизоны. Но главная армія страны продолжала вести обыкновенную жизнь гражданъ. Для того, чтобы оказать сопротивление величайшей военной державѣ въ Европѣ, уже придвинувшей къ границамъ огромныя массы людей и машинъ, Франція должна была призвать къ оружію все свое мужское населеніе, которое было обучено военному дѣлу.

Aux armes, citoyens!
Formez vos bataillons! *).

Призывъ запасныхъ къ оружію произошелъ безъ всякихъ громогласныхъ рѣчей и звуковъ трубъ. Въ противоположность сценамъ въ первые дни послѣ объявленія войны 1870 года въ Парижѣ не было уличныхъ процессій. Ни одна накрашенная красавица съ подмостковъ не махала трехцвѣтнымъ знаменемъ подъ крики „à Berlin!“ Ни одинъ изъ ораторовъ толпы не взбирался на столъ кафе и не размахивалъ руками въ знакъ вызова врагу и не пророчествовалъ о быстрой побѣдѣ.

Спокойствіе Парижа было изумительно, и первые приказы о мобилизации были приняты публикой такъ же, какъ и какое-нибудь объявленіе, приложенное къ газетѣ въ видѣ отдѣльнаго листа. Однако, въ сотняхъ тысячъ домовъ по всей Франціи и во всѣхъ особнякахъ и квартирахъ Парижа происходила сцена трагическаго спокойствія, когда призывные билеты были вручены молодымъ людямъ въ гражданскомъ платьѣ, тѣмъ, кто сидѣлъ за столомъ со старой матерью и молодой женой, и тѣмъ, кто находился въ мансардѣ со сладкимъ видѣньемъ въ мечтахъ или съ дѣвицей, которая гнала прочь это видѣніе, или съ товарищами, съ которыми они вмѣстѣ выступали въ великихъ приключеніяхъ между Quartier Latin и Монмартскимъ холмомъ.

Часъ насталъ!

10.

Съ этимъ небольшимъ кускомъ бумаги, призывающимъ cadaго явиться на сборный пунктъ, явилась сама судьба и коснулась слегка плеча запасного. Но какъ ни легко было ея прикосновеніе, я знаю, что для многихъ молодыхъ людей оно было ра-

*) Слова изъ Марсельезы.

вносильно оглушительному удару, и что нѣкоторымъ изъ нихъ казалось, какъ будто ледяные пальцы смерти уже сжались вокругъ ихъ горла.

Мнѣ казалось, что я слышу молчаніе, воцарившееся въ комнатахъ, когда молодые люди растерянно смотрѣли на призывные листы съ ихъ официальнымъ содержаніемъ, и когда въ теченіе того же краткаго мгновенья передъ ними предстало все, что означаетъ жизнь и смерть. Былъ ли этотъ клочекъ бумаги вѣстью самой смерти? Гдѣ-нибудь въ Германіи уже была готова маленькая стальная пуля и кусокъ снаряда, ожидающіе того француза, для котораго они были предназначены судьбой. Какъ долго придется ждать этой пули? Возможно, что только день или два, вопросъ нѣсколькихъ часовъ, быстро уходящихъ въ вѣчность... Возможно, что въ эту минуту раздался крикъ, имя, произнесенное дрожащимъ голосомъ, или только стонъ, предчувствіе горя, ужаса и тоски со стороны старой матери или молодой женщины, хорошія чувства которой и сварливый нравъ, себялюбіе и самоотверженіе казались всѣмъ, что наполняло жизнь молодого человѣка.

— Jean!.... Mon petit!.... O, mon pauvre petit! *).

— C'est pour la patrie.... mon devoir.... Je reviendrai bientôt.... Courage, ma femme! **).

Courage! Сколько тысячъ разъ это слово было произнесено въ ночь мобилизаціи женщинами, которыя видѣли внезапную блѣдность мужчинъ, и мужчинами, которые слышали плачъ женщинъ? Я слышалъ это слово, произносимое иногда грубо мужчинами, боявшимися упасть въ обморокъ, и высказанное съ трогательною нѣжностью другими мужчинами, увѣренными въ своей силѣ, но жалѣвшими женщинъ, духъ которыхъ измѣнилъ имъ при видѣ близкаго призрака смерти.

11.

Вскорѣ послѣ перваго августа я видѣлъ, какъ происходила мобилизація во Франціи, этотъ призывъ націи къ оружію, отъ Парижа до восточной границы, и драма не волнуетъ меня и въ настоящее время, когда я пишу эти строки, хотя съ тѣхъ поръ уже прошло много мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ я видѣлъ болѣе страшныя сцены на поляхъ битвъ. Да, болѣе страшныя, но не такія трогательныя. Даже тогда, при блескѣ августовскаго солнца, прежде чѣмъ была пролита кровь, и зловѣщій призракъ войны не поднялся угрюмо надъ Европой, я уже представлялъ себѣ всю мучительную трагедію, которая должна была скоро случиться при видѣ блестящей красоты того эскадрона кавалеріи, который выходилъ изъ своихъ казармъ для выступленія на фронтъ. И люди, и лошади были великолѣпны: щеголеватые, прекрасно

*) — „Жанъ, мое дитя, мое бѣдное дитя!“

**) — „Это для родины... мой долгъ... я вернусь скоро, не падай духомъ, жена!“

обученные, во всей гордости жизни. Выбѣжавъ на улицы Парижа, они двинулись съ тѣмъ отѣнкомъ фатовства, который всегда появляется у француза, когда на него смотреть публика. Даже лошади вскидывали вверхъ свои головы, какъ бы понимая восхищеніе зрителей. Въ толпѣ были сотни женщинъ, махавшихъ платками, выбѣгавшихъ впередъ, чтобы бросить пучки цвѣтовъ кавалеристамъ, которые ловили ихъ и прикрѣпляли къ кепи и мундирамъ. Офицеры — молодые дэнди — уже держали въ рукахъ большіе букеты и цѣловали цвѣты въ знакъ преклоненія предъ женщинами Франціи. Въ толпѣ не было слезъ. Многія жены и возлюбленныя этихъ молодыхъ солдатъ должны были влѣзть на тумбы мостовой, чтобы видѣть, какъ они проходили. Даже острая боль разлуки была позабита въ эти моменты, при блескѣ солнца, среди энтузіазма и гордости, поднимавшихся въ груди зрителей при видѣ этихъ великолѣпныхъ всадниковъ, шедшихъ сражаться за Францію. Я нигдѣ не замѣтилъ слезъ, кромѣ моихъ собственныхъ, потому что, долженъ признаться, внезапно мои глаза покрылись туманомъ, и я былъ охваченъ какъ бы ознобомъ и дрожью подъ лучами ослѣпительнаго солнца. При видѣ этихъ блестящихъ всадниковъ мнѣ представилось поле сраженія, покрытое людьми и лошадьми, лежащими мертвыми и изувѣченными подъ горячими лучами августовскаго солнца. Я какъ бы чувствовалъ запахъ крови, потому что я уже побывалъ среди отвратительныхъ и горестныхъ сценъ войны и видѣлъ повозки смерти, возвращавшіяся съ полей битвы и обозы съ ранеными, медленно двигавшіеся по избитымъ дорогамъ изъ Адрианополя съ людьми, которые только-что были сильны и здоровы, а теперь были изувѣчены и страшны благодаря страданіямъ. Цвѣты въ рукахъ этихъ кавалерійскихъ офицеровъ казались мнѣ похоронными вѣнками, и женщины, выбѣгавшія изъ толпы съ букетами для солдатъ, какъ бы приносили имъ гирлянды смерти.

12.

Въ тѣ первые дни войны я видѣлъ много сценъ прощанья на улицахъ Парижа. Онѣ встрѣчались на каждомъ шагу, и, наконецъ, ихъ можно было наблюдать равнодушно, потому что пафосъ ихъ становился монотоннымъ. Интересно было наблюдать, какъ люди прощались со своими женами и дѣтьми, и товарищами на углу улицы или посерединѣ бульваровъ. Сотни разъ я видѣлъ, какъ солдатъ, надѣвшій форму послѣ многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ запасѣ, поворачивался вдругъ къ женщинѣ, еле передвигавшей возлѣ него ноги, или къ группѣ стоявшихъ возлѣ него и говорилъ: „Alors, il faut dire,“ „Adieu et“ „Au revoir“!). Можно было подумать, что онъ уѣзжалъ на воскресенье и вернется въ слѣдующій понедѣльникъ. Только по длительному поцѣлюю, съ которымъ онъ обнималъ женщину, поднимавшую къ нему свое блѣдное лицо, и по стремительности, съ которой онъ

“) Нужно сказать: «до свиданія»!

отрывался от нея и поспѣшно уходилъ, теряясь въ толпѣ, можно было понять, что это было послѣднее прощанье мужчины и женщины, любившихъ другъ друга, и что каждый изъ нихъ въ этотъ моментъ видѣлъ тѣнь смерти, которая должна разлучить ихъ въ этой жизни. Стоицизмъ французенокъ былъ удивителенъ. Онѣ не стонали и не жаловались. Онѣ отдавали своихъ мужей и сыновей отечеству—*„la Patrie“* съ покорностью и религиозностью женщинъ, которыя посвящаютъ свои сердца Богу. Духовный пылъ, проникающій чувство патриотизма во Франціи и придающій красоту любви къ родинѣ, безъ чего патриотизмъ только низкая и невѣжественная ненависть къ людямъ другихъ національностей, укрѣплялъ и поддерживалъ ихъ.

13.

По временамъ, наблюдая эти сцены, я негодовалъ на гнусность цивилизаціи, которая допускаетъ, чтобы людей подобно овцамъ посылали на бойню. Боже мой! Эти бѣдняки изъ рабочихъ кварталовъ Парижа, эти молодые крестьяне съ полей, эти полуголодные клерки изъ парижскихъ конторъ, ихъ согласія не спрашивали при объявленіи войны. Что они могли знать относительно международной политики? Почему должны они служить пѣшками въ партіи, разыгрываемой безъ всякаго вниманія къ человѣческой жизни дипломатами, повелителями армій и могущественными финансистами? Эти бѣдные неразвитые люди, неспособленные къ жизни, съ болѣзненно-желтыми лицами клириковъ въ мундирахъ, висѣвшихъ мѣшками на ихъ маленькомъ тѣлѣ, почему должны они быть пойманы въ ловушку этой страшной машины, называемой „войной“, и выпущены какъ мыши противъ псовъ смерти? Эти крестьяне съ сутулой спиной, съ развинченными членами и неулыбчивой походкой, которые собирали урожаи Франціи, работая весь свой вѣкъ на поляхъ, почему должны они идти подъ градъ снарядовъ, которые оторвутъ ихъ сильныя руки и напитаютъ безплодныя поля ихъ кровью? Они должны были оставить все то, что придавало значеніе и цѣль ихъ существованію, какъ будто бы ихъ посылало Божество вмѣсто кучки политиковъ, дьявольски безразличныхъ къ человѣческой жизни. Какъ долго будутъ терпѣть этотъ фетишь международной интриги цивилизованныя демократіи, которыя не знаютъ ненависти другъ къ другу, пока она не разгорится благодаря вождямъ и затѣмъ, въ самой войнѣ, благодаря свирѣпости, присущей человѣческой натурѣ?

14.

Я отправился на восточную границу въ первый день мобилизаціи. Былъ вечеръ, когда я попалъ на Западный вокзалъ. Станція была наполнена разгоряченной толпой штатскихъ и солдатъ, протискивающихся къ кассамъ въ напрасныхъ поискахъ добиться указанія объ отходѣ поѣздовъ въ отдаленные города Франціи.

Желѣзнодорожные служащіе не могли дать никакихъ точныхъ справокъ. Желѣзнодорожная линія была подѣ военнымъ контролемъ. Много поѣздовъ было совсѣмъ отмѣнено, а другіе шли безъ расписанія. Я могъ только догадываться о томъ, что волновало отдѣльныхъ лицъ въ этой толпѣ. Казалось, что многіе изъ нихъ провинціалы, застигнутые войной въ Парижѣ и старавшіеся попасть домой, прежде чѣмъ дороги будутъ окончательно забиты воинскими поѣздами. Одинъ изъ подданныхъ нейтральной страны обратился ко мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ, говорить на которомъ было опасно въ Парижѣ. Онъ былъ швейцарецъ, пріѣхавшій въ Парижъ по дѣлу на нѣсколько дней, оставивъ свою жену въ деревнѣ вблизи Базеля. Это была его жена, о которой онъ говорилъ, не умолкая:

— Ach, mein armes Weib! Sie hat Angst für mich! *).

Я пожалѣлъ этого маленькаго человѣчка въ дешевомъ костюмчикѣ и гибкой соломенной шляпѣ, у котораго на глазахъ были слезы, и не хватало храбрости обратиться къ станціоннымъ служащимъ, потому что онъ не зналъ ни одного слова по-французски. Я пошелъ для него за справкой. Послѣ получасовой давки въ толпѣ и спросивши дюжину носильщиковъ, которые пожимали плечами и говорили: „Je n'en sais rien!“ я пришелъ назадъ съ плачевнымъ извѣстіемъ, что послѣдній поѣздъ уже ушелъ въ Базель. Маленькій швейцарецъ стоялъ посреди своихъ вещей, спиною къ стѣнѣ, отыскивая меня озабоченными глазами и, когда я сообщилъ ему печальную вѣсть, слезы потекли по его лицу.

— Was kann ich thun? Mein armes weib hat angst für mich! **).

Я не могъ ничѣмъ помочь ему въ этотъ вечеръ, какъ бы ни озабочена была его бѣдная жена и я пересталъ говорить съ нимъ, потому что мой плохой нѣмецкій языкъ уже обратилъ вниманіе стоявшихъ около меня, и они бросали на меня грозные и подозрительные взгляды, какъ будто бы я былъ шпионъ.

15.

Черезъ часъ послѣ этого я нашелъ поѣздъ, отправлявшійся въ Нанси, хотя желѣзнодорожные служащіе и увѣряли меня, что такого поѣзда не будетъ. Однако, я довѣрялъ болѣе молодому французскому офицеру, который далъ мнѣ слово, что я попаду въ Нанси, если я сяду въ вагонъ, передъ которымъ онъ стоялъ. Самъ онъ ѣхалъ до самаго Туля.

Я могъ видѣть по малиновому бархату его кепи, что онъ былъ военнымъ докторомъ, и по печальному взору его глазъ, что ему было грусто оставлять прекрасную женщину, которая провожала его. Они говорили со мной по-англійски.

— Эта война будетъ ужасна! — сказала дама. — Она такъ бессмысленна и такъ бесполезна. Къ чему хочетъ воевать съ нами Германія? Между нами не было ссоры, и мы хотѣли жить въ мирѣ!

*) О, моя бѣдная жена, я боюсь за нее!

**) „Что мнѣ дѣлать? Я боюсь за мою бѣдную жену“!

Молодой офицеръ сдѣлалъ внезапно жестъ отвращенія.—Глупое отвратительное преступленіе! Это преступленіе противъ челоѣчества!

Затѣмъ онъ очень серьезно задалъ мнѣ вопросъ и ждалъ моего отвѣта съ очевиднымъ безпокойствомъ. — Присоединится ли къ намъ Англія?

Я сказалъ „да“! съ видомъ абсолютнаго убѣжденія, хотя въ эту ночь Англія еще не дала своего рѣшенія. Въ продолженіе послѣднихъ двадцати четырехъ часовъ мнѣ задавали этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать. Парижане становились нетерпѣливыми, такъ какъ Англія все еще молчала. Англичане въ Парижѣ начинали испытывать безпокойство. Если Англія не сдержала бы своего слова, хотя и не оформленнаго документомъ, быть англичаниномъ въ Парижѣ было бы опасно и позорно. Нѣкоторые изъ моихъ пріятелей уже начали ощупывать свое горло нервными пальцами.

— Я тоже такъ думаю! — сказалъ офицеръ, услышавъ мой отвѣтъ. — Въ противномъ случаѣ Англія покрыла бы себя позоромъ!

16.

Платформа была биткомъ набита молодыми людьми. Многіе изъ нихъ были офицеры въ новенькихъ съ иголочки мундирахъ, но большинство все еще носило штатское платье, въ которомъ они покинули свои фабрики или квартиры, для того, чтобы присоединиться къ своимъ частямъ, повинаясь приказу мобилизаціи. Молодой докторъ выпустилъ руку своей жены, для того, чтобы отвѣтить о чемъ-то старому полковнику его же службы. Дама обернулась ко мнѣ и заговорила въ интимномъ тонѣ, какъ будто бы мы были старыми друзьями.

— Представляете ли вы себѣ, что это значитъ? Я чувствую, что я должна плакать, потому что мой мужъ оставляетъ меня... У насъ трое дѣтей... Но слезы только въ моемъ сердцѣ. Мнѣ кажется, какъ будто онъ уѣзжаетъ только на два дня, а между тѣмъ онъ можетъ и не вернуться. Вѣроятно, я завтра буду плакать.

Она не плакала даже тогда, когда слышался сигналъ къ отходу поѣзда, и мужъ обнялъ и держалъ ее долго въ своихъ объятіяхъ, шепча ей что-то. Не видалъ я слезъ и на глазахъ другихъ женщинъ, когда онѣ посылали послѣднія слова прощанія. Только страшная блѣдность на ихъ лицахъ показывала скрытую агонію.

17.

Въ углу, противъ меня, сидѣлъ тощій и блѣдный молодой челоѣкъ, немного подъ хмѣлькомъ, при чемъ его возбужденное воображеніе было какъ бы ареной, по которой пробѣгали одна

за другой страшныя и трагическія мысли. Онъ распозналъ во мнѣ англичанина, и съ громкимъ возгласомъ „Сamarade!“ трясъ мнѣ руку не одинъ, а десятки разъ въ теченіе первой части нашего путешествія.

Онъ началъ монологъ, казавшійся безконечнымъ, при чемъ его голосъ то поднимался до мятущагося крика, то опускался до глухого шепота. Онъ принадлежалъ къ типу апаша и появился на свѣтъ въ одномъ изъ тѣхъ грязныхъ и отвратительныхъ притоновъ, которые скрываются подъ бѣлою красотою Парижа. Я помню кое-что изъ его словъ, хотя я не въ состояніи передать ни бѣшенства его страстей, ни безконечнаго пафоса его жалости къ самому себѣ.

— Я оставилъ жену, женщину, которая любитъ меня и видитъ во мнѣ что-то больше, чѣмъ ничтожество. Сказать вамъ, какъ я покинулъ ее, мосье? Умирающей въ больницѣ въ Шарантонѣ. Я никогда больше не увижу ея. Я никогда больше не возьму ея тонкаго блѣднаго лица въ мои грязныя руки и не скажу: „Ты и я отвѣдали прелести жизни, малютка, когда мы вмѣстѣ умирали съ голоду!“ Потому что жизнь хороша, мосье, но скоро я умру въ одномъ мѣстѣ, а моя жена въ другомъ. Я оставилъ ребенка, маленькую дѣвочку, что будетъ съ ней, когда меня убьютъ? Я оставилъ ее у консьержа, который обѣщался позаботиться о ней—не изъ-за денегъ, вы понимаете, потому что у меня ихъ нѣтъ. Моя дѣвочка никогда больше не увидитъ меня, и я не увижу, какъ она превратится въ взрослую женщину. Потому что я їду умирать. Можетъ быть, завтра или послѣ завтра для меня не будетъ больше жизни. Моя рука—вы видите, я могу схватить ей что угодно, могу двигать ею и туда, и сюда, пожимать вашу руку, samarade, привѣтствовать ею Францію—сomme ça! Но завтра или послѣ завтра она будетъ недвижима, мертвая, какъ и все мое тѣло. Странно! Здѣсь я живъ, сижу и говорю съ вами. А завтра или черезъ день мой трупъ будетъ лежать на полѣ битвы, какъ кусокъ земли. Я могу видѣть мой трупъ съ его бѣлымъ лицомъ и вытаращенными глазами. Уфъ! Грязное зрѣлище, трупъ человѣка. Здѣсь, въ моемъ сердцѣ что-то говоритъ мнѣ, что я буду убитъ очень скоро, можетъ быть, при первомъ выстрѣлѣ. Но знаете ли, я не буду грустить, умирая... Я буду радъ, мосье! А почему радъ, спросите вы? Потому что я люблю Францію и ненавижу Германію, которая навязала намъ эту войну. Я иду сражаться—я, социалистъ и синдикалистъ—для того, чтобы мы могли покончить съ войной, чтобы дѣти Франціи могли мирно спать, и женщины выходить изъ своихъ жилищъ безъ страха. Эта война должна быть послѣдней войной. Это война права противъ несправедливости. Когда съ ней покончатъ, народъ больше никогда ея не испытаетъ. Насъ, идущихъ теперь умирать, будутъ помнить, потому что мы дали миръ человѣчеству. Это будетъ нашей наградой, хотя мы и не будемъ знать объ этомъ, а будемъ гнить въ землѣ! Тяжко знать, что, можетъ быть, завтра я буду мертвъ. Я вижу мой трупъ...

Въ то время, какъ нашъ поѣздъ мчался по Франціи по направленію къ Нанси, мы слышали гулъ и видѣли волненіе народа, вооружавшагося и стремившагося потокомъ къ границамъ навстрѣчу непріятелю. Всю ночь напролетъ, когда мы замедляли ходъ, проѣзжая черезъ города и деревни и подъ желѣзнодорожными мостами, пѣснь Марсельезы вливалась въ окна вагона и затѣмъ рыдала въ отдаленіи какъ грустная жалоба, когда нашъ паровозъ вскрикивалъ и бѣжалъ дальше. При звукѣ національнаго гимна одинъ изъ офицеровъ въ нашемъ вагонѣ просыпался, открывалъ глаза и поднималъ свою голову, которая была опущена на грудь, и прислушивался съ видомъ недоумѣнія, какъ будто бы онъ не могъ уяснить себѣ еще до сихъ поръ, что Франція ведетъ войну, и онъ на пути къ фронту. Но всѣ другіе спали, и молчаливый офицеръ, чья благородная осанка и грустное лицо произвели на меня впечатлѣніе, по временамъ улыбался во снѣ и бормоталъ нѣсколько словъ, среди которыхъ, какъ мнѣ казалось, я слышалъ имя женщины.

При восходѣ солнца и его блѣдномъ утреннемъ сіяніи я видѣлъ, какъ собираются французскіе солдаты. Они переходили черезъ мосты со сверкающими на солнцѣ ружьями, и синія шинели, и красные шаровары пѣхоты придавали имъ издали сходство съ оловянными солдатиками. Но кромѣ того, батальоны ихъ толпились рядомъ съ желѣзнодорожной линіей у переѣздовъ, въ ожиданіи прохода нашего поѣзда, и съ составленными ружьями стояли на перронахъ, такъ что я могъ видѣть выраженіе ихъ глазъ и наблюдать ихъ лица. Они были прекрасными молодыми людьми съ твердо очерченными и рѣдкими профилями, что обѣщало побѣду Франціи. Среди нихъ не было слышно крика и не было замѣтно ни патріотическихъ демонстрацій, ни какого-либо возбужденія. Они стояли спокойно и терпѣливо, дожидаясь своихъ поѣздовъ, болтая между собой, улыбаясь и куря папиросы, подобно солдатамъ, отправляющимся на ежегодные маневры. Жители городовъ и деревень, которые толпились около солдатъ и около переѣздовъ, наблюдая нашъ поѣздъ, были болѣе демонстративны. Они махали намъ руками и кричали: „*Bonne chance!*“ *), а мальчики и дѣвочки опять пѣли Марсельезу пронзительными голосами. На каждой станціи, гдѣ мы останавливались, а мы не пропускали ни одной изъ нихъ безъ остановки, дѣвушки ходили по платформѣ съ корзинами фруктовъ, которыми онѣ бесплатно угощали ѣдущихъ съ нами солдатъ. Иной разъ онѣ получали плату въ видѣ поцѣлуевъ, совершенно просто и безъ всякой застѣнчивости, поднимая свои лица къ губамъ загорѣлыхъ молодыхъ людей, которые передвигали на затылокъ свои кепи и высовывались изъ оконъ вагоновъ.

— Возвращайся цѣлымъ и невредимымъ, *mon petit* **), — сказала одна дѣвушка.

*) „Желаю успѣховъ“.

**) „Мой малютка“.

— Я не надѣюсь вернуться,—отвѣчалъ солдатъ,—но я умру, сражаясь до конца.

19.

Поля были залиты золотыми лучами солнца, и тяжелая листва деревьевъ колебалась и какъ бы напѣвала нѣчто при легкомъ вѣтеркѣ. Бѣлыя прямые дороги съ безконечными рядами топей, стоящихъ на подобіе часовыхъ, тянулись далеко среди полей и холмовъ, и въ клубахъ сѣровой пыли, поднимавшейся на подобіе дыма, проходили полки пѣхоты, пушки медленно двигались по дорогамъ подъ яркими лучами солнца, которое блестяло на стальныхъ дугахъ полевой артиллеріи и превращало въ серебро каждую спицу колеса. Я слышалъ скрипъ колесъ, грохотъ передковъ, крики возницъ своимъ запряжкамъ, и дрожь проходила по моему тѣлу каждый разъ, когда мы обгоняли одну изъ этихъ батарей, такъ какъ я зналъ, что въ скоромъ времени эти орудія, которыя провозились по большимъ дорогамъ Франціи, будутъ окутаны дымомъ еще болѣе густымъ, чѣмъ пыль, вздымавшаяся надъ ними, когда они будутъ извергать снаряды въ невидимаго врага, пушки котораго отвѣтятъ имъ ревомъ смерти.

Пушки и люди, лошади и повозки, безконечные обозы, цѣлыя арміи, марширующія къ границѣ, поѣзда съ солдатами на всѣхъ боковыхъ вѣтвяхъ желѣзной дороги, солдаты, стоявшіе на бивакѣ на дорогахъ и на рыночныхъ площадяхъ, длинныя вереницы молодыхъ людей въ штатскомъ, несущихъ узелки къ сборнымъ пунктамъ, гдѣ они должны были обмѣнять свое платье и весь образъ ихъ жизни, всѣ эти картины войны, которыя были видны изъ оконъ, проходили передо мной миля за милей до тѣхъ поръ, пока я не закрывалъ свои глаза, чтобы отдохнуть отъ всего блеска и сіянія этого калейдоскопа, отъ кроваво-краснаго цвѣта этихъ французскихъ шароваръ, продвигавшихся среди полей, отъ грязно-синяго оттѣнка шинелей всѣхъ этихъ солдатъ, отъ блеска всѣхъ этихъ колесъ. Что означаетъ этотъ поднимающійся волнами приливъ вооруженныхъ людей? Что будетъ онъ значить черезъ нѣсколько дней, когда другой приливъ людей ударится съ шумомъ и грохотомъ объ эту волну, пытаясь поглотить Францію и, прорвавши ея плотины, затопить ее волнами крови? Какъ бессмысленно казалось, что эти добродушные молодые люди, болтавшіе съ дѣвушками около нашего вагона, пока мы ожидали сигнала къ отправленію, идутъ убивать другихъ добродушныхъ людей, которые, быть можетъ, тоже цѣлуютъ дѣвушекъ въ Германіи въ благодарность за цвѣты и фрукты.

20.

На одной изъ станцій по близости къ Тулю, до меня донеслись первыя слова ненависти къ врагу. Я услышалъ разговоръ двухъ солдатъ, ѣхавшихъ съ нами изъ Парижа. Они слышали,

что нѣсколько нѣмцевъ было уже взято въ плѣнъ у границы, и они негодовали на то, что плѣнные были еще живы.

— Плѣнные! Ва! Nom de chien! *). Я скажу вамъ, что я сдѣлалъ бы съ плѣнными нѣмцами!

Этотъ солдатъ не желалъ ничего хорошаго плѣннымъ нѣмцамъ. Онъ пустился въ длинныя и сложныя подробности относительно того, какъ онъ вывернулъ бы ихъ кишки своимъ штыкомъ и вырвалъ бы ихъ внутренности своимъ ножомъ. У его собесѣдника было больше воображенія. Онъ изобрѣлъ болѣе хитроумные способы мученій, чтобы нѣмцы не могли умереть такъ скоро.

Я наблюдалъ обоихъ солдатъ, когда они говорили. У нихъ были лица убійцъ, съ налитыми кровью глазами и грубыми чертами, распухшими отъ пьянства и порока. Въ очертаніи рта и въ хрипломъ смѣхѣ сказывалась жизнь, полная жестокости. Ихъ руки сжимались, и ихъ мускулы конвульсивно дергались, когда они растрavляли себя жаждой крови.

21.

Эти люди не были типичными представителями солдатъ Франціи. Въ главной квартирѣ Нанси, гдѣ я ждалъ нѣкоторое время коменданта въ караульнѣ, я говорилъ со многими изъ солдатъ и нашелъ ихъ славными ребятами добраго, здороваго и жизнерадостнаго типа. Когда они слышали, что я военный корреспондентъ, они забросали привѣтствіями и вопросами. „Вы англійскій журналистъ? Вы хотите итти съ нами? Это хорошо! Каждый англичанинъ намъ товарищъ, и мы дадимъ вамъ много матеріалу, о которомъ стоитъ написать!“

Они показали мнѣ свои ружья и свое походное снаряженіе, просили меня взвѣсить ихъ мѣшки и хохотали, когда я сказалъ, что непременно упалъ бы подъ такой тяжестью. Въ каждомъ черномъ мѣшкѣ, кромѣ легендарнаго маршальскаго жезла, французскій солдатъ носитъ полную смѣну бѣлья, запасную пару башмаковъ, провизію на два дня, состоящую изъ супа въ сухомъ видѣ, шоколада и другихъ съѣдобныхъ вещей и въ довершеніе всего шерстяной ночной колпакъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить жестяную флягу для воды, наполненную виномъ въ началѣ войны, поясъ съ патронами, ружье, шинель скатанную за плечами и другія вещи.

Красныя панталоны, синія шинель и маленькое кепи, хотя и прославленные во многихъ битвахъ, казались мнѣ неподходящими къ условіямъ современной войны, но солдатъ объявилъ мнѣ, что они не могли бы сражаться съ тѣмъ же самымъ одушевленіемъ, если бы они носили другую форму, а не ту, что принадлежитъ къ славнымъ традиціямъ Франціи.

22.

Когда меня привели къ полковнику Дюшену, помощнику генерала Фоша, онъ съ улыбкой привѣтствовалъ меня, хотя я са-

*) „Чортъ возьми!“

мовольно пробрался въ военную зону, и пожелалъ узнать, что я думалъ о его „дѣтяхъ“, каково было мое мнѣніе о мобилизаціи, и каковы были мои впечатлѣнія о томъ, какъ Франція откликнулась на призывъ къ оружію. Я отвѣчалъ искренно и, когда я заговорилъ о поражающей готовности, съ которой всѣ классы населенія объединились въ защиту родины, на глазахъ полковника Люшена внезапно появились слезы, которыхъ онъ и не старался скрыть.

Это прямо-таки величественно! Всякая разница въ политикѣ исчезла. Мы одинъ народъ, и у насъ одинъ идеаль, одна забота—*La France!*

Затѣмъ полковникъ перешелъ къ дѣли моего визита, получить позволеніе сопровождать французскія войска.

— Это очень трудно, — сказалъ онъ. — Генераль сдѣлалъ бы все, что можно, для васъ—онъ любитъ англичанъ—но французскіе корреспонденты не допущены на границу, и мы едва ли можемъ сдѣлать исключеніе для васъ. Однако, я передамъ вашу просьбу генералу.

23.

Въ ожиданіи отвѣта генерала я пошелъ побродить по Нанси и понаблюдать сцены мобилизаціи. Въ городѣ было введено военное положеніе. Продовольствіе находилось подъ строгимъ контролемъ коменданта. Каждый автомобиль и телѣга были взяты для нуждъ арміи, и каждый способный носить оружіе горожанинъ былъ призванъ къ знаменамъ. Я былъ единственнымъ гостемъ въ Грандъ-Отелѣ, и управляющій съ женой прислуживали мнѣ сами. Они были поражены, увидѣвъ меня въ городѣ.

— Вы здѣсь единственный иностранецъ, — сказали они, — за исключеніемъ тѣхъ, что находятся подъ стражей въ ожиданіи высылки на Швейцарскую границу! Смотрите, вотъ идутъ послѣдніе изъ нихъ!

Я увидѣлъ черезъ стеклянныя двери отеля около двухсотъ человекъ, шедшихъ по площади среди солдатъ съ примкнутыми штыками. Они тащили узлы и, казалось, уже изнемогли подъ ихъ тяжестью. Но я думаю, тяжелѣе всего было у нихъ на сердцѣ. Я могъ видѣть, что эти молодые люди, — лакеи, парикмахеры и торговцы, по большей части швейцарцы—были невольными жертвами трагедіи войны, которая внезапно оторвала ихъ отъ ихъ занятій, разбила въ дребезги ихъ маленькія надежды и вышвырнула ихъ изъ страны, которая давала имъ до сего времени дружескій пріемъ. По другую сторону штыковъ шло нѣсколько женщинъ, которыя плакали и кричали „*Adieu!*“ своимъ бѣлокурнымъ возлюбленнымъ. Одна изъ нихъ, бѣжавшая рядомъ, подняла новорожденного младенца между стражей такъ, что его маленькое сморщенное личико коснулось щеки одного молодого человека, у котораго въ глазахъ видна была агонія.

Въ эту ночь меня разбудили рѣзкіе сигналы рожка и, подойдя къ окну моей спальни, я услышалъ топотъ лошадиныхъ копытъ

и увидѣлъ темныя массы кавалеріи и пушекъ, проходившія во мракѣ по направленію къ врагу. Однако, звуки стрѣльбы не потрясали стекло моего окна. Все казалось совершенно спокойно отъ Нанси до границы. Тѣмъ не менѣе я думалъ, что прежде чѣмъ заалѣетъ востокъ, нѣмецкая лавина людей и пушекъ могла перекатиться черезъ границу, и если бы я остался день, другой въ Нанси, я могъ бы видѣть, какъ сверкаютъ остроконечныя каски врага на улицахъ города. Мнѣ сказали, что если французскія войска отступятъ отъ границы къ крѣпостямъ Бельфора и Туля, Нанси защищать не будутъ.

Когда я проснулся на другой день, я услышалъ женскій голосъ, пѣвшій на дворѣ. Какъ странно, что женщина можетъ распѣвать въ незащищенномъ городѣ, подвергающемся такой опасности! Однако, въ глазахъ дѣвушекъ на улицахъ не было страха. Германское нашествіе еще не пугало тогда ихъ своими неописуемыми звѣрствами.

24.

Я не могъ остаться въ Нанси. Только французское военное министерство могло дать разрѣшеніе корреспонденту присоединиться къ войскамъ. Эхо нѣмецкихъ шаговъ ни разу не раздавалось во время войны въ этомъ городѣ, и спокойствіе женщинъ не было нарушено отвратительными сценами ужаса. Однако, со времени тѣхъ августовскихъ дней 1914 года много женскихъ лицъ блѣднѣло при видѣ крови—при видѣ пропитанныхъ багровыми пятнами носилокъ, въ которыхъ раненые прибывали съ границы, такой спокойной, когда я ночью слушалъ у открытаго окна. Тѣ солдаты, съ которыми я говорилъ въ главной квартирѣ—сколько осталось изъ нихъ въ живыхъ? Они дрались въ Эльзасѣ и Лотарингіи, когда батальоны теряли большую часть людей подъ губительнымъ орудійнымъ огнемъ, и шли впередъ, отступали и опять шли впередъ въ приливъ и отливъ борьбы, по мертвымъ тѣламъ своихъ товарищей и разлагающимся грудамъ нѣмецкихъ труповъ, превращавшихъ поля и лѣса въ одно сплошное зловоніе, откуда появлялись безумныя и искалѣченныя существа и счастливцы легко раненые, по рассказамъ которыхъ было ясно, что они избавились отъ ада. Я встрѣтился съ нѣкоторыми изъ нихъ и чуть не падалъ въ обморокъ, когда я слушалъ ихъ рассказы, а въ послѣдствіи на западной сторонѣ французскаго фронта я встрѣтился съ драгунами Бельфора, которыхъ я видѣлъ раньше въ сіяніи августовскихъ дней. Тогда они были великолѣпны въ ихъ свѣжихъ мундирахъ, на ихъ прекрасныхъ лошадяхъ, убранныхъ цвѣтами. При второй встрѣчѣ они были грязны и измучены войной, лошади ихъ прихрамывали съ опущенными головами, и они ѣхали, какъ люди, которые видѣли гибель многихъ товарищей и были хорошо знакомы со смертью. Они были прекрасны, эти грязные, усталые, угрюмые люди. Но это былъ совсѣмъ другой родъ красоты, заставившій меня почувствовать странный ознобъ, когда они проходили мимо.